



ГЛАВА III

НОВЫЙ ГОД КРЕСТЬЯНСКОГО КАЛЕНДАРЯ

Обряды, проводившиеся в октябре, ноябре и первой половине декабря, противостоят явно ощущаемому в этот период года умиранию природы.

Середина декабря — Спиридоний Поворот — дает новое направление наблюдениям над природой. С 12 декабря по ст. ст. день прибавляется, начинает ощущаться поворот солнца на лето, победа его над мертвенным началом зимы. Интересный обряд, цель которого была ускорить прибавление дня, существовал в Сургутском крае. В день Спиридона Поворота ловили курицу, били ее и бросали вперед; избитая птица с громким кулдахтаньем бросалась бежать вперед (ср. повсеместно распространенное выражение: «К 1 января день прибавляется на куриный шаг»). При этом говорили: «Куры тогда убегают на больших ногах»; «Если курица больше шагает, то и дня прибудет»¹.

Спиридоний Поворот — день, в который человек стремился вмешаться в самый ход зимы. С этим связывалось засвидетельствованное зажигание костров на Спиридонья² (хотя это делали преимущественно на рождество). Бабы-хозяйки, заботливо оберегающие свой птичник, прикармливают кур гречихой на Спиридона «из правого рукава, чтобы раньше неслись». Садовники, отряхивая заваленные снеговой заметью яблони, приговаривают: «Спиридонов день, подымайся вверх!» Это делается с той целью, чтобы предохранить плодовые деревья от пагубного для урожая нападения прожорливых червей по весне³.

Обряды Спиридонова дня не представляют собой чего-то целостного. Среди них, несомненно, интересны обряды с курами, но они не распространены и делать какие-либо значительные заключения применительно именно к дате 12 декабря не представляется возможным. К солнцевороту не приурочивались массовые действия, подобные тем, какие совершались в покров, на Кузьму-Демьяна, тем более в святки. Эта дата воспринималась как поворотный пункт в ходе зимы, разделяющий ее два периода. Празднества, начинающие второй период, приходились на более позднее время, чем «Спиридон-солнцеворот» — на дни, когда уже начинало ощущаться, что солнце действительно «повернуло на лето», — на новогодний период. Несмотря на это, характер массовых праздничных сборищ остается тем же, что и в начале зимы. Разница между покровками и кузьминками, с одной стороны, и святками, с другой, не в качественных изменениях действий, а — в большем разнообразии в новогодний период способов

¹ И. Я. Неклепаев. Поверья и обычаи Сургутского края. («Записки Зап.-Сиб. отд. РГО», кн. XXX. Омск, 1903, стр. 67).

² А. А. Коринфский. Народная Русь, стр. 530.

³ Там же, стр. 531.

их проведения, в большей отчетливости совершения их. То, что в ноябрьско-декабрьском календаре иногда только намечается, в период нового года получает свое наиболее четкое оформление. Это обусловлено значительностью времени нового года с характерным для него удлинением дня, начальным возобладанием солнечного света. Светоносное, солнечное значение этого периода у всех славянских народов находит отражение в обрядах, в частности, в типичном обряде зажигания огней-костров. Разжигаемый новогодний огонь, связанный с культом солнца, известен очень широко (он выявляется в виде сжигания хвороста, полена и т. д.). Русские обряды сохранили типовую, общую для славян, форму раскладывания и поджигания костров. В среднерусских колядках, так же как в песнях украинцев и других славянских народов, эти костры упоминаются: «горят костры горячие. . .» (Ср. в сб. П. В. Шейна «Великорусс. . .» и др.).

Еще в XIX в. в некоторых южнорусских областях этот обряд зажигания костров сохранялся. Их жгли в навечерье рождества, нового года и крещенья. По данным Архива РГО, крестьяне с. Тамбовки, Енотаевского уезда Астраханской губернии — переселенцы из Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и Бобровского уезда, Воронежской губернии, под рождество и крещенье в полночь разводили огонь среди дворов. В Бузулукском и Бугурусланском уездах Самарской губернии, заселенных выходцами из губерний Курской, Тамбовской, Тульской, Рязанской и других, в канун рождества, нового года, крещенья «непреренно жгут на дворе или против двора липовые веники»⁴.

Уже эти свидетельства указывают ряд областей (не только б. Астраханскую и б. Саратовскую, но и Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Тульскую и др.), в которых обряд зажигания огней жил еще в XVIII—XIX вв. Зажигание огней в этот период, так долго удерживавшееся в быту русской деревни, первоначально связывалось с представлением о возрождении солнца, с началом нового солнечного года. Именно с солнцем и с солнечным годом (а не с лунным) в большинстве случаев координируется земледельческая сельскохозяйственная обрядность. Луна давала возможность создания счета времени; но состояние солнца и его воздействие на землю определяло время совершения тех или других процессов труда. Аграрная же обрядность зависит от трудовой деятельности человека. Поэтому и упомянутое декабрьское зажигание огней не только означало начавшееся разгорание солнца, но и начало нового аграрного года, начало годового цикла сельскохозяйственных работ.

Производственный новый год не устанавливался в произвольно выбираемые дни: понятие его нередко отсутствует в народном времяисчислении (ср., например, отсутствие праздника нового года у ряда алтайских народов, засвидетельствованное Л. П. Потаповым). Начало годового счета времени повсеместно зависит от производственной жизни людей. Не случайно новый год ненцев стоит в связи с оленеводством, и празднование его сопровождается обрядами посвящения оленя солнцу (выжигание на боку оленя солнечного знака и т. п.); у якутов народный новый год начинался в мае (ср. позднюю весну и позднее начало работ), и названия месяцев отражали проводившиеся в них трудовые процессы⁵; у монголов, находящихся в совершенно иных климатических условиях, начало первого месяца, называемого «цагаан сар — белый месяц», падает примерно на февраль (обозначения месяца раз-

⁴ Д. К. Зеленин. Описание, в. I — 1914, стр. 76; в. III — 1916, стр. 1192.

⁵ За эти сведения о ненцах приношу благодарность сообщившему их мне Л. П. Потапову; о якутском новом годе — Г. И. Эргису.

личны: а) по временам года, причем времена года не соответствуют принятым в Европе периодам; б) по принципу порядкового счета; в) по названию зверей — древнемонгольский охотничий год; г) по знакам зодиака; д) по названиям животных — мыши, коровы, тигра и т. д. — обозначение, заимствованное, видимо, от китайцев, новый год при этом начинается примерно с нашего декабря, что вполне соответствует и наблюдениям над состоянием солнца, и хозяйственной жизни народа ⁶); у ряда народов Африки, у которых земледелие играет видную роль в хозяйственной жизни, год начинался с окончанием периода засухи и наступлением дождей ⁷ и т. д.

Приведенные данные свидетельствуют, что произвольности в дате нового года нет; она обусловлена трудовой деятельностью народа, осуществляемой в конкретной географической обстановке.

В районах средиземноморской культуры у земледельческих народов празднование нового года, естественно, связывается с предстоящим началом полевых работ. Самое наименование месяцев календаря греко-римского средиземноморья указывает на счет времени земледельца, примечающего посев и уход за ним. Год начинался мартом, от которого шло времяисчисление (порядковые числа стали основой для позднее измененных названий июля и августа и сохраненных до наших дней — сентября, октября, ноября, декабря). Счетные названия месяцев не распространялись на весь год, а относились только ко второму полугодию, оканчивая порядковые числа десятью (декабрем).

Аграрный смысл мартовского времени, в условиях средиземноморья совершенно ясен; март воспринимался земледельческими народами как начальная дата одного из важнейших периодов года, может быть, даже более существенная, чем январское возрождение солнца. По существу март и январь имели сходное значение дат, открывающих счет времени по признаку возрождающегося солнца и по признаку полевых работ земледельцев.

Решая вопрос об исконности мартовского нового года у восточных славян средней и северной Европы, необходимо принять во внимание особенности климатических условий, с которыми связываются сроки начала и конца полевых земледельческих работ. В средней и северной России март не был и не является датой начала полевых работ. Старый аграрный народный календарь этих мест указывает не на март, а на апрель—май—июнь, как на время начала полевых работ (ср. «На Еремея — 1 мая — ленивая соха в поле выезжает»; «Еремей — 1 мая — запряжет, Еремей — 31 мая — распряжет»). «Овес, ячмень и пшеницу сеют ранние с Юрия (23 апреля), средние — с Николина дня (9 мая), поздние с Ивана (15 мая) до Тихона (16 июня), но не во всех местах одинаково, смотря по почве, по стране, по климату. Ячмень, например, сеют либо в семицкий четверг, либо в троицкую субботу; на Митрофания (4 июня) — лен и гречу» (числа показаны С. В. Максимовым по ст. ст. — В. Ч.)⁸. Иначе обстоит дело в южнорусских областях и на Украине. Там март имеет значение, почти тождественное с соседящим средиземноморьем. Украинский сельскохозяйственный календарь говорит, что 25 марта земля откры-

⁶ Краткий монгольско-русский словарь. Составил А. Р. Ринчина. Под ред. проф. Г. Д. Санджиева. М., ОГИЗ, 1947, стр. 419—420.

⁷ См., например, «Die Nyamwezi». Land und Wirtschaft, von Wilhelm Blohm. Hamburg, 1934, стр. 16 и 123—124. Ср. также другие работы по культуре и быту народов Африки.

⁸ С. В. М а к с и м о в. Куль хлеба и его похождения. Собр. соч., т. VII. СПб., 1896, стр. 113—114.

вается «на сеянье». «До благовещенья не начинали севбы на нивах, и поспешали кончать оранку на ярину; а на благовещенском тыждне — вдвин плуг»⁹. Только в южных областях восточнославянских земель в марте, как и в средиземноморских государствах, начинались земледельческие летние работы. Тем не менее в средневековой Руси до 1348 г. новый год справлялся именно 1 марта, а параллельно этой дате праздновались январские дни, сопровождавшиеся многочисленными народными обрядами, вызывавшими такую долгую, упорную, но безуспешную борьбу светских и духовных властей. По крайней мере, для средней и северной Руси — для территории, на которой складывалась русская народность, было характерно одновременное проведение новогодних обрядов, приуроченных к зимнему солнцевороту, и наличие официальной даты нового года, считаемой до 1348 г. 1 марта, а с 1348 по 1700 г. — 1 сентября.

Можно думать, что именно отзвук двойной системы нового года — народной и официальной — мог сказаться в ряде памятников древней литературы, упоминающих периоды годовой жизни русских. Некоторые из них начинают первый период года с зимы, указывая как на начало ее святочное (т. е. новогоднее) время. По рукописи XVI в. (см. «Описание сборников публичной библиотеки», I, стр. 256) значит: «Зима от рождества Христова по благовещениев день; а в ней 90 и четверть дни. . .»; другая рукопись XVII в. («Описание соловецких рукописей», т. I, стр. 390—391) указывает: «. . .имать же година стихия: весна, лето, осень, зиму. Весна убо начинается от 24 марта луны до 24 июня, и оттоле начинается лето до 24 сентября, и оттоле начинается осень до 24 декабря, и оттоле начинается зима до 24 марта луны, а всего по мере по 91 дни. . .»

Глаголет божественное писание: четырмы времени круг лету венчал еси сии речь зима от рождества Христова до благовещения, а дний 90^{1/4}. . .»¹⁰.

Указание на рождество Христово как на начальную дату, при обязательном в русском средневековье общем счете времени от сотворения мира, может быть понято единственно как отзвук дохристианских празднеств дней непобедимого солнца, сохранившихся в народном быту. Письменность в данном случае фиксировала пережитки солнечного культа, осмысляя их праздником христианского календаря. Значение солнцеворота, как даты начала нового периода, подчеркивается и летописными свидетельствами, внимательно выделенными Д. Прозоровским, который, впрочем, не имел в виду сравнивать их с народным новым годом. Прозоровский писал: «Переход от осени к зиме тушевался подобно переходу от лета к осени. . . Так: в 1135 году «той же зимы прогреме декабря в 10», — в 1368 г. «тоя же осени месяца декабря 21», — в 1388 г. «тое же осени месяца декабря в 8», — в 1471 г. «той же зимы декабря 15», — в 1472 г. «тоя же осени декабря в 15», — в 1490 г. «тоя же осени декабря», а затем январь и февраль во всех известиях (под 1229, 1471, 1480, 1502, 1505 годами) именуется зимними (Полн. собр. летоп., т. I, стр. 132, 231; т. III, стр. 45, 94; т. IV, стр. 129, 152; т. VI, стр. 15, 37, 47, 56). Из времени с 6 января. . . до мясопуста народ произвел особый период сватобный; так в первой Псковской летописи, под 1459 годом, говорится: того же лета в зимнее время о сватбах (там же, т. IV, стр. 218), а таким образом,

⁹ М. А. Максимович. Дни и месяцы украинского селянина. Собр. соч., т. III. Киев, 1877, стр. 466.

¹⁰ См. приведенные данные в статье Д. Прозоровского «О славяно-русском дохристианском счислении времени». («Труды 8-го археологического съезда в Москве, 1890», т. III, М., 1897, стр. 202).

народный обычай разделил зиму на три, следующие один да другим, веселые периоды: святки, сватьбы, и масляницу, в которых приметны остатки обычаев и языческих»¹¹.

Отмеченное Прозоровским перемешивание терминологии (отнесение декабря то к зиме, то к осени) — естественная нечеткость в определении народным календарем границ времен года¹². Но эта нечеткость не мешает на основании письменных документов древней Руси установить преобладание восприятия зимы как периода, непосредственно связанного с изменениями, происходящими в природе вслед за солнцеворотом, периода, с которого начинается новый этап в трудовом году землепашца. Выделение периода святок как начальной даты обосновывается конкретной трудовой деятельностью населения среднерусской полосы (со святок в крестьянских хозяйствах начиналась подготовка орудий сельскохозяйственного труда к работе в поле, отбирались и готовились семена для посева и т. д.). Свидетельства цитированных материалов имеют локальное значение, так как они датированы XVI—XVII вв. и относятся к Московскому государству.

Несоответствие мартовского нового года трудовым процессам в областях формирования русской народности заставляет видеть в нем заносное явление. Чуждость марта как новолетия быту и трудовой жизни русских подчеркивается почти полным отсутствием обрядов, приурочиваемых к этой дате¹³. Допустимо предположение о том, что март в значении новогоднего времени (естественный в княжествах Киевской Руси) был перенесен на север и, в первое время существования северо-восточной Руси, праздновался в ней, несмотря на явное несоответствие местным условиям жизни и народным традициям¹⁴.

Но уже в 1348 г. северо-восточная Русь переносит дату нового года на первое сентября — осеннее время, важное для труда земледельца. Перенос должен быть поставлен в связь с возрастающим значением христианской церкви в государственной жизни древней Руси и обосновывался событиями, приходившимися, по священному писанию, на месяц седьмой (в осмыслении христианской русской церкви — сентябрь). А. Терещенко в своем «Быте русского народа» (ч. VII, стр. 90 и сл.) изложил свод данных из писания, которые, с точки зрения верующего, давали полное право считать сентябрь началом летоисчисления от сотворения мира.

Свод сведений и цитат, приводимый Терещенко, вызывает отдельные возражения в толковании некоторых стихов, но в данном случае интерес представляют не толкования, а стремление обосновать книгами «священного писания» изменение даты нового года. Укрепление православия в средневековой Руси, установление христианства как религиозной идеологии господствующих классов, естественно, вызывает использование «священного писания» как источника реформы, вносимой в существующий календарь. При этом не учитывалось, что акцентирование библией сентября, естественное и нормальное в климатических условиях

¹¹ Д. Прозоровский. О славяно-русском дохристианском счислении времени, стр. 203—204.

¹² См. в той же статье данные об отсутствии четкого разграничения других времен года.

¹³ Ср. также обилие обрядов, связанных с периодом святок.

¹⁴ Характерно, что в условиях Украины мартовские обряды сохранялись достаточно широко и разнообразно, не в пример обрядовым действиям этого времени в средней и северной России. Это было причиной ориентации на них при описании ранних весенних обрядов А. Терещенко, И. Снегиревым и другими собирателями и исследователями обрядности.

местностей формирования «священного писания»¹⁵, не соответствовало условиям жизни в среднерусской полосе. Для русской деревни сроки окончания полевых работ приходились не на конец августа, а на конец сентября. Соответственно этому начало нового (зимнего) периода в годовой жизни крестьянина приходилось на октябрь и отмечалось датой христианского праздника — покровы. Реформа системы календаря проводилась в XIV в. на Руси без учета трудовой жизни народа, без установления связи с сельскохозяйственными работами. Сентябрьский новый год утверждался церковью, следовавшей слову священного писания; установив и обосновав его библейской легендой, русская православная церковь сохранила эту новогоднюю дату вплоть до современности как церковную параллель гражданскому новому году, празднуемому в условиях Европы 1 января в соответствии с зимним солнцеворотом. Можно считать, что в допетровской северовосточной и северной Руси с 1348 г. сосуществовали официально-церковный календарь, начинавший новый год с сентября, и аграрно-народный, связывающий новолетие с зимним солнцеворотом как первым этапом на пути пробуждения природы. Существование аграрно-народного зимнего нового года в допетровской Руси подтверждается лингвистическим анализом старославянского названия января и обрядовых песен, приуроченных к нему в средней России и Поволжье.

Песенная новогодняя обрядовая поэзия в среднерусской полосе (районах Московской Руси и ее колонизации) имеет особую терминологию: «овсень», «таусень», «баусень», «усень», «асень» и т. д. Попытки объяснить происхождение и смысл слова «овсень» в истории науки делались неоднократно. Существуют две главные теории. Первая из них принадлежит И. Снегиреву (она была принята, развита и усложнена А. Терещенко, И. Калинин, А. Веселовским и некоторыми другими исследователями). По этой теории термин «овсень» (и его вариации) производится от понятия посева (в частности, от сеянья овса) и связан с обрядами обсыпания зерном, бросанья зерна и аналогичными им, встречаемыми у некоторых славянских народов в новогодней обрядности.

С критикой этой теории выступил А. А. Потебня, указывавший: «Объяснение формы *овсень* и пр. до ныне зависит от ассоциации с овсом и сеяньем, без достаточных оснований установленной Снегиревым, соображение которого принято за факт. Дело в том, что ни в одном описании вр. [великорусского] обычая «кликать оvsень» (Снег. Р. простонар. праздн. II, 104, 106), «кричать таусень» (Терещ. VII, 116) на Васильев вечер, под новый год (между тем как по изв. XVII в. коледу и усень кликали под рождество) не упоминается об обсыпании. Кликальщики даже, по-видимому, не входят в избы (что необходимо для обсыпания в Мр. и Сербии), а кличут под окнами и прокликая «стучат в окошко» (Снег. ib 107) просяши пирогов и пр. Снегирев говорит, что «вр. Авсень v. Оvsень. . . есть. . . прообразовательный обряд *обсевания*, отчасти сходный с древним обрядом *обсыпания* при бракосочетании молодых и. . . при венчании на царство Русс. государей в предвещание изобилия благ земных» (ib. 103); что Таусень, или Оvsень, подобно коледу, должен быть не божеством, но местным праздником народным, в коем главное действие есть *обсыпание* или *обсевание* (108). Но для него это «видно из прообразовательных обрядов, наблюдаемых» (не в вр. губерниях Ряз., Владим., Симб., Нижегород., частью Пензенск., ib 103; у Терещ. VII, 116—21 и Саратов.), а «в Белоруссии» (108),

¹⁵ О времени и месте создания книги «священного писания» христиан см. работу Р. Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.